

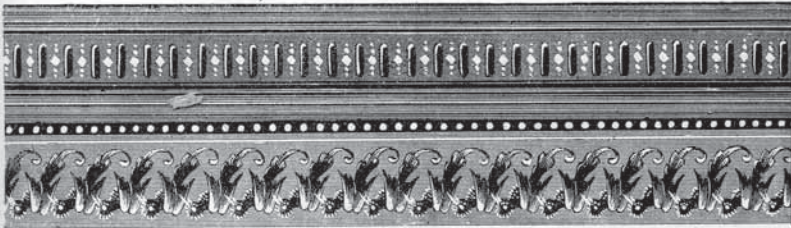
С.И. Зенкевич

Е.Ф. КАНКРИН И Н.С. ЛЕСКОВ

Министр финансов России (1823–1844), член Государственного совета граф Георг Людвиг Даниил (Егор Францевич) Канкрин (1774–1845) и один из крупнейших русских писателей последней трети XIX в. Николай Семенович Лесков (1831–1895) — герои разных сфер, разных эпох. Более чем полвека разделяет даты их рождения; на момент смерти Канкрин Лескову было всего 12 лет, и он учился в Орловской гимназии, возможно, даже не помышляя о столице, — впереди у него еще Киев и три года скитаний по России в качестве агента коммерческой компании «Шкотт и Вильямс». Выходца из Германии Канкрин и орловца Лескова сближает Санкт-Петербург. Не являясь коренными петербуржцами, оба они приехали в Северную столицу и здесь достигли вершин государственной службы и творчества.

Однако, помимо этой в известной степени случайной биографической переклички, у Канкрин и Лескова есть одна особая точка соприкосновения. Почти через сорок лет после смерти министра Лесков, к тому времени уже признанный литературный мэтр, сделал его героем своего произведения — рассказа 1884 г. «Совместители»¹.

Исторический герой в художественном тексте Лескова носит свое «настоящее» имя: «Дело идет о бывшем министре финансов, известном графе Канкрине»², — сообщается в небольшом предисловии. Он снабжен «настоящим» петербургским адресом — живет на даче в своем любимом Лесном³. Лесковского Канкрин окружают самые «настоящие» коллеги. Это преемник Канкрин на министерском посту граф Ф.П. Вронченко, директор министерской канцелярии и в будущем также министр финансов А.М. Княжевич, министр юстиции граф В.Н. Панин, комендант Петропавловской крепости генерал И.Н. Скобелев, министр внутренних дел граф Л.А. Перовский и многие другие. Эпоха 1840-х годов вообще очерчена в рассказе массой исторических имен, событий, взаимоотношений.

РАЗСКАЗЫ КСТАТИ
—
С О В М Ъ С Т И Т Е Л И

БУКОЛИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ НА ИСТОРИЧЕСКОЙ КАНВѢ

«Родъ сей ничѣмъ же занимается».

С О В М Ъ С Т И -
С тельство у насъ
есть очень старое
и очень важное
зло. Даже когда
оно по существу
какъ-будто ниче-
му не мѣшаетъ,
оно все-таки со-
ставляетъ зло, —
говорилъ нѣкото-
рый знатный и
правдивый чело-
вѣкъ и при этомъ
разказалъ слѣ-
дующій, по моему
мнѣнію, не безъ-
интересный анек-
дотическій слу-
чай изъ старого
времени. — Дѣло идетъ о бывшемъ министрѣ
финансовъ, извѣстномъ графѣ Канкринѣ.
Я записалъ этотъ разказъ подъ свѣжимъ
впечатлѣніемъ прямо со словъ разказчика
и такъ его здѣсь и передамъ, почти тѣми
же словами, какъ слышалъ.

I.

Графъ Канкринъ былъ дѣловитъ и уменъ,
но любилъ поволочиться. Тогда было, впро-

чемъ, такое время, что всѣ волочились.
Даже впоследствии это перешло какъ-бы
въ преданіе по финансовому вѣдомству, и
покойный Вронченко тоже былъ превеликій
ухаживатель: только въ этомъ игры и
любезности той не было, какъ въ Канкринѣ.
Такое господствовало настроеніе: жизнь
играла у гробоваго входа.

И тѣ, кому волокитство уже ни на что
ненужно было, и они все-таки старались не
отставать отъ сверстниковъ.

Если не для чего-нибудь-то хоть для по-
рядка или для приличія всѣ имѣли дамъ на
попеченіи. Въ самой большой модѣ были
тандорки, или цыганки, но иногда и дру-
гія особы, соответственнаго значенія. И
притомъ никто почти не скрывалъ свои
грѣшки, а нерѣдко даже желали ихъ огласки.
Это давало случай въ обществѣ подшучи-
вать надъ «старыми грѣшниками». О нихъ
разказывали разные смѣшныя анекдоты, а
это дѣлало грѣшникамъ извѣстность и ре-
комендовало ихъ какъ добрыхъ и забавныхъ
вье-гарсоновъ.

Случалось, что имя грѣшника вспоми-
налось съ какою-нибудь веселою шуткою

*] Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ род. 1774 г., состо-
ялъ генералъ-интендантомъ въ 1812 г., а съ 1823 года министр-
ромъ финансовъ. Умеръ въ 1846 г. Былъ «отличный финан-
систъ» и извѣстенъ также какъ писатель. Писалъ на нѣ-
мецкомъ языкѣ.

Безусловный шедевр Лескова, рассказ «Совместители» содержит несколько смысловых пластов. По сюжету главная героиня «Совместителей» — хваткая фаворитка Канкрина Марья Степановна, подлинное имя которой автор деликатно скрыл, о чем уведомил читателей в сноске. Лесков проводит здесь художественное исследование женского типа; это было ему интересно с самого начала писательского пути (повести 1860-х годов «Леди Макбет Мценского уезда», «Воительница» и мн. др.). Зная «изысканную» манеру графа «никогда не оставлять вниманием тех дам, с которыми он был однажды ласков»⁴, и виртуозно пользуясь ею, делающая большие ставки Марья Степановна ловко выстраивает карьеру своего мужа — некоего Ивана Павловича, «совместителя» Канкрина, изначально — неприметного чиновника Министерства финансов. Сама она тоже добивается головокружительных высот — к ее протекции начинают прибегать «сторонние люди», имеющие в графе «надобность по делам»⁵, а она берет «самые отчаянные взятки даже по таким ведомствам, которые <...> чужды непосредственному влиянию ее мужа»⁶.

При этом Канкрин в рассказе Лескова предстает своеобразным героем своего времени — «не последним» в компании «очень больших волокит»⁷ высокопоставленным чиновником. «Буколическая повесть...» — такова первая половина подзаголовка, которым писатель с иронией снабдил свое произведение. Первая глава «Совместителей» открывается описанием любовных походов министров: «Если не для чего-нибудь, то хоть для порядка или приличия, — с оттенком ироничной доверительности сообщает рассказчик, — все имели дам на попечении. <...> И притом никто почти не скрывал свои грешки, а нередко даже желали их огласки. <...> Случалось, что имя грешника вспоминалось с какою-нибудь веселою шуткою при таких лицах, что это воспомянному было полезно, и этим дорожили и умели обращать себе в выгоду»⁸. В нарочито игривом тоне здесь говорится о распространяющейся «сверху» безнравственности, касающейся отнюдь не только личной жизни, но государственного устройства. О Николаевской ли эпохе (к которой в целом Лесков питал очень сложные чувства) идет речь, или же, шире, о российской действительности вообще? Лесковские произведения нередко дают возможность для таких обобщений. Предоставив слово рассказчику, который начал веселую «болтовню» о свободных нравах, писатель позволяет читателю обратить взгляд на погрязшее в коррупции государство.

Однако вернемся к Канкрину. При всех безрадостных выводах вполне очевидно, что Лесков отнюдь не относится к своему герою как к безликому статисту или просто как к объекту обличения. Канкрин ему прицельно интересен, и тщательная прорисовка этого образа составляет как бы отдельный сюжет рассказа. Писатель с нескрываемой симпатией наделяет Канкрин портретным сходством и живыми, узнаваемыми для современников чертами и показывает при этом независимость его позиции в высших сферах власти.

Приведем примеры.

Вот Канкрин в компании молодого офицера собирается на прогулку верхом. О министре в этом эпизоде мы узнаем следующее: «Канкрин был в своем обыкновенном, длиннополом военном сюртуке с красным воротником, в больших темных очках с боковыми зелеными стеклами и в галошах, которые он носил во всякую погоду и часто не снимал их даже в комнате. На голове граф имел военную фуражку с большим козырьком, который оттенял все его лицо. Он вообще одевался чудаком и, несмотря на тогдашнюю строгость в отношении военной формы, позволял себе очень большие отступления и льготы. Государь этого как бы не замечал, а прочие и не смели замечать»⁹. В этом небольшом фрагменте акцент сделан как на своеобразии внешности, костюма и привычек героя, так и на непререкаемости авторитета Канкрин-министра для Николая I.

А вот описание приезда с прогулки: «...Канкрин <...> застучал своими галошами по направлению к своему темному кабинету.

Здесь он надел на лоб козырек от фуражки, служивший ему вместо тафтяного зонтика, и сел за работу <...> Граф все сидел и, может быть, обдумывал один из своих финансовых планов, а может быть, просто дремал после прогулки на лошади. Но только возвратившийся домой спутник графа видел с своего балкона силуэт Канкрин <...> очень долго, а утром рано опять уже послышалась его скрипка. Это значило, что Канкрин встал, умылся и, вместо утренней молитвы, играет в своей темной уборной.

Значит, его настроение находится в полном порядке»¹⁰.

Герой опять-таки неотступно следует своим оригинальным привычкам: сидит в темноте, долго не ложится спать, по утрам играет на скрипке. Причем Лесков великолепно использует здесь прием острашения: взгляд на Канкрин постепенно удаляется и переходит к молодому офицеру, который и делает вывод о настроении своего высокопоставленного соседа.

С другой стороны, Лесков очень внимательно передает речевую манеру своего героя. В одном из эпизодов писатель даже «втягивает» немца Канкрин в тончайшую языковую игру. Министр и его молодой спутник неожиданно приезжают на дачу к Марье Степановне. При внезапном появлении гостей «девушка» хозяйки говорит: «Они сейчас выйдут, я им уже сказала, что вы пожаловали, и они *одевают* распашонку (курсив мой. — С.З.)»¹¹. Далее следует авторская ремарка: «Образование тогда еще было распределено так неровно, что многие горничные не употребляли иностранное слово “пеньюар”, а называли по-русски “распашонка”»¹². Автор с иронией делает своего рода «ложный» шаг, указав на незнание служанкой заимствованного слова «пеньюар», между тем как та допустила ошибку в употреблении глагола «одеть». Эту ошибку чуть позднее «исправляет» граф Канкрин, шепнув спутнику: «Однако долго она что-то *надевает* свою распашонку! (курсив мой. — С.З.)»¹³, причем ремарка автора к словам героя такова: «...заметил граф и громко позвал по-русски:

— Марья Степановна!»¹⁴

Следовательно, реплика Канкрин насчет распашонки звучала не по-русски, а, скорее всего, по-французски, а «стилистический недочет» был исправлен самим автором, и это еще один изящный штрих в передаче отношения Лескова к своему герою.

Очевидно, что Лесков, не знавший Канкрин лично, много читал о нем и хорошо подготовился к созданию этого образа. Владея фактами (что за образ жизни министр вел, как защищал подслеповатые глаза от излишнего света, в какой «обыкновенный» сюртук он облачался, как говорил), писатель уверенно располагает, так сказать, площадкой для авторской игры с участием давно умершего исторического персонажа. Известность влиятельного министра Николаевской эпохи и в 1880-е, и в 1890-е годы не ослабевала¹⁵, о нем много писали, и рассказ «Совместители» создан в контексте сложившейся вокруг его имени традиции.

Эта традиция неоднородна. Прежде всего Лесков (который, как известно, с первого до последнего своего шага в литературе активно сотрудничал в газетах) в работе над рассказом опирался на *публицистику*. Это большой массив материалов, где подвергнута анализу деятельность Канкрин-министра. Примерно с 1860-х годов (время вступления Лескова в литературу) вполне отчетливо намечаются «сюжеты» осуждения финансовой политики Канкрин, что связано и со

сменой царствования, и с временной дистанцией, позволяющей оценить результаты этой политики. Под сомнение подпадают протекционизм и ограничение свободы торговли¹⁶, откупная система¹⁷, неприятие государственного финансирования железных дорог и др. По поводу железных дорог, кстати, в свое время высказался даже сам Лесков. В ранней статье, опубликованной в газете «Северная пчела» (1862), рассуждая о необходимости развивать железнодорожное сообщение, он заметил, что Канкрин «не увлекался» железными дорогами (так же как Наполеон — пароходами), т.к. не имел надобности «в качестве обыкновенных смертных» по этим дорогам ездить и «перевозить по ним тяжести»¹⁸. С публицистикой, связанной с именем Канкринина, Лесков, безусловно, был хорошо знаком.

Вместе с тем публицистика — это и тот злободневный фон, на котором появился рассказ и который для писателя, постоянно вращающегося в газетно-журнальном мире, существует всегда и так или иначе проникает в произведения, отражая его текущие впечатления и размышления.

В «Совместителях» Лескова служебная деятельность Канкринина представлена в первую очередь в виде неумеренной протекции, которую министр оказывает своему неслучайному знакомому. В рассказе мелькают разные кабинеты, разные чиновники, усердно предлагающие этого человека на все новые и новые перспективные должности. Глава министерства скрепя сердце продвигает по службе не самого достойного чиновника. Получается замкнутый круг: Канкрин не знает, как отделаться от «совместителя», а подчиненные с затаенной радостью думают, что в лице последнего угождают министру, и только в финале это недоразумение, наконец, разрешено переводом главного «фигуранта» в другое ведомство. Вот фрагмент последней главы рассказа:

«Дело о карьере Ивана Павловича приходилось завершать — только бы не быть более с ним вместе.

Граф сделал комбинацию. Другое лицо большого положения — граф Панин имел надобность в услуге министра финансов.

Канкрин ее сделал скоро и охотно, а чрез некоторое время явился просить за подчиненного, которого заслуг он не в силах совместить с ограниченностью персонала по своему ведомству.

Граф Панин пожевал и отвечал, что «совмещать» многое очень трудно, и свободнее других это может разве Перовский, у которого не перечесть сколько хороших мест, находящихся в его власти.

Перовский это и сделал, а Канкрин, подписывая бумагу о согласии на перевод Ивана Павловича в другое ведомство, совсем неожиданно для предстоявших перекрестился <...> и сказал:

— Это, как там говорят, “нынче отпускаеши”. Наконец я не буду опасаться, что мне представят, чтобы я его утвердил начальником самому себе.

Так все были введены в обман и думали, будто, представляя Ивана Павловича, делали графу неописанное удовольствие, тогда как это было совсем напротив¹⁹.

Когда это недоразумение разрешается (или, как намекает Лесков, когда создается видимость его разрешения), рассказчик, некий «правдивый и умный человек», со слов которого мы узнаем о случившемся, делает резонерский вывод: «Надо свет переделать или, другими словами, приучить людей, чтобы они в каждом деле старались служить делу, а не лицам. Вот это поистине прекрасная задача, и добром вспомнится имя того, кто ей с умением служит»²⁰.

Если же принять во внимание еще и злободневный публицистический контекст рассказа «Совместители» (а ведь вторая часть уже упоминавшегося подзаголовка к нему — «...на современной канве!»), то у проблемы коррупции, затронутой Лесковым и до настоящего времени по-прежнему актуальной, возникает небезыntenесный обертон. Рискнем предположить, что Лесков в известной степени сыграл на двух значениях слова «протекционизм».

Протекционизм — это, с одной стороны, «система подбора на службу людей не по деловым признакам, а по знакомству, по протекции» (сюжет «Совместителей»); с другой, — «экономическая политика государства, направленная на ограждение его национальной экономики от иностранной конкуренции»²¹. В 1884 г. в связи с финансовой политикой тогдашнего министра финансов Н.Х. Бунге²² (который, как ранее и Канкрин, притерживался покровительственных взглядов) начались бурные споры. В самом общем виде их предметом стал вопрос об ограничениях свободы торговли и целесообразность протекционизма как системы покровительства отечественной промышленности через увеличение таможенных тарифов. В январе в газетах стала появляться информация о том, что российские купцы и фабриканты все чаще ходатайствуют в Министерство финансов о повышении пошлин, например, на бумагу, глину, чугун, каменный уголь, уксус, стальные гвозди и шурупы и др.²³ При этом обозначилось противостояние крупных столичных газет (с которыми, кстати, был тесно

связан Лесков) — «Нового времени» и «Новостей». Публицисты «Нового времени» проводили мысль о необходимости увеличить таможенные пошлины, например, на чугун, чтобы содействовать выплавке отечественного²⁴. «Новости», напротив, утверждали, что протекционизм как экономический принцип в корне фальшив, т.к. «ничего не создает, но что дает одному, то отнимает у другого», и если поднять пошлины на тот же чугун, то пострадает наша сталелитейная промышленность²⁵. Финансовый корреспондент «Новостей» А. Головачев на протяжении нескольких месяцев публиковал в газете «Письма о протекционизме»²⁶, раскрывая ограниченность покровительственной таможенной политики. Лесков, безусловно, был в курсе этих баталий, т.к. в это время и сам сотрудничал в «Новостях»²⁷, а «Новое время» всегда держал в поле зрения и с А.С. Сувориным состоял в переписке.

В такой полемически заостренной атмосфере, вполне возможно, вынужденное «личное» покровительство, оказываемое в рассказе Лескова министром Канкриним мужу бывшей фаворитки, — это в какой-то степени и осторожный намек на усилившиеся споры вокруг протекционизма в финансовой сфере. (Неслучайно «Совместители» были напечатаны в рубрике «Рассказы кстати»²⁸ журнала, носящего характерный подзаголовок: «Новь. Общеизвестный иллюстрированный двухнедельный вестник современной жизни, литературы, науки, искусства и прикладных знаний».) В пользу этого предположения говорит также и нарочитость протекции в рассказе. Между тем все, кто писал о Канкрине, в один голос говорили о вдумчивости его кадровой политики²⁹. При этом авторская оценка «протекционизма» в «Совместителях» весьма осторожна: при всем осуждении Лесков очень тонко вскрывает внутренние механизмы такого поведения высокопоставленного чиновника, попавшего в двусмысленную ситуацию.

Таковы в общих чертах достаточно разноплановые публицистические «источники» рассказа.

Другой очень важный пласт традиции, сложившейся вокруг имени Канкринина, наряду с публицистикой — это *мемуарная литература*. К 1880-м годам воспоминаниями о министре поделились лично его знавшие В.П. Бурнашев, Ф.Ф. Вигель, П.А. Вяземский, И.В. Селиванов, П.М. Языков и многие другие³⁰. На грани мемуаристики балансирует и известное стихотворение В.Г. Бенедиктова «Он» (1857), автор которого также служил в Министерстве финансов. В мемуарах в связи с именем Канкринина к тому времени уже возникли «общие

места» — подчеркнутая любовь к поэзии и музыке, специфическая внешность и манера одеваться, чувство юмора и яркая речь министра, говорившего с немецким акцентом (например, его знаменитое обращение к собеседнику: «патушка» — искаженное «батушка»). На воспоминания современников Лесков ориентировался, создавая «человеческий» облик Канкрина.

Приведем один пример. Из тех, кто был связан с Канкриным по работе, с серией воспоминаний о своей служебной деятельности в первой половине 1870-х годов выступил литератор В.П. Бурнашев. Он был хорошо известен Лескову, т.к. в то время являлся его коллегой в газете «Русский мир». И вот на страницах «Русского мира» в 1872 г. развернулась полемика между Бурнашевым и сыном Канкрина. Поводом послужила публикация Бурнашева. В частности, мемуарист отмечал, что Канкрин лично назначил его отца вице-губернатором в Орел (родной город Лескова!), причем не забыл поинтересоваться: «Фи, патушка, стихов не пишете?» По мнению мемуариста, министр сошелся с его отцом еще и на почве любви к музыке. В другом месте Бурнашев говорит и о якобы свойственной Канкрину расчетливости «до скряжничества»³¹.

Спустя несколько дней в «Русском мире» появилось письмо-опровержение графа Александра Канкрина. Сын министра утверждал, что его отец при всей расчетливости отнюдь не был скрягой, а вице-губернаторов назначал исключительно по деловым качествам, а не по поэтическому или музыкальному таланту. При этом он никогда не относился насмешливо к чьему-либо умению писать стихи, и у него служили многие поэты. Сам же Канкрин, по свидетельству сына, действительно играл на скрипке, но не прилюдно, а в темной комнате³².

Редактор-издатель «Русского мира» В.В. Комаров в комментарии «от редакции» к письму А.Е. Канкрина попытался максимально сгладить конфликт. Он заметил, что в воспоминаниях Бурнашева, несомненно, «проглядывает то чувство уважения к покойному министру финансов, которое разделяется всеми мыслящими людьми России»³³. «Скупость, — добавил он, — несомненный порок в частной жизни, но скупость в министре финансов, при заведомой честности, при возможности расточать миллионы из народного достояния, — это уже не порок, а добродетель, и добродетель весьма редкая»³⁴.

Эта полемика, несомненно, была хорошо известна Лескову как сотруднику «Русского мира». Можно с уверенностью предположить, что, например, той деталью рассказа, где его герой играет на скрипке

один в темной комнате (а если смотреть шире — той неоднозначностью в оценке деятельности Канкринина), писатель обязан сыну министра, знавшему эту привычку страдавшего глазами отца, так сказать, изнутри дома.

В мемуарной литературе проскальзывают и отдельные упоминания о том, что Канкрин до конца жизни оставался большим поклонником женщин³⁵. Видимо, фривольность сюжета лесковского рассказа возникла не вполне на пустом месте.

Можно особо выделить также *литературную* и *фольклорную* составляющие *традиции*. О Канкрине слагали оды при жизни³⁶. При этом влиятельное положение министра, официальное признание его достижений и непререкаемость его авторитета для императора делали Канкринина не только безусловным героем эпохи, но и адресатом эпиграмм. Здесь активнее других был младший современник графа С.А. Соболевский, автор едкого стихотворения «Канкриниада»³⁷. Его остроумные эпиграммы, имевшие мишенью, кстати, далеко не только Канкринина, в 1840-е годы были популярны, но распространялись только устно и начали появляться в печати лишь с 1870-х годов, уже после смерти их автора. Площадкой для них стал журнал П.И. Бартенева «Русский архив», где Соболевский как библиофил и библиограф публиковался с 1862 г., т.е. с самого появления журнала. (Великолепный исторический журнал «Русский архив» вообще примечателен тем, что наряду с документами там регулярно печатались эпиграммы и анекдоты, придающие дополнительную рельефность рассматриваемому персонажу или событию.) Героем анекдотов Канкрин тоже с неизбежностью стал. В анекдотах зачастую высмеивались те же его особенности, которые восхищали мемуаристов, — меломания, претензии на компетентность во многих областях, а также «фирменная» скупость³⁸. Так обрела письменную фиксацию неподцензурная, сатирическая часть традиции о Канкрине. К этим анекдотам примыкали и шутки самого Канкринина³⁹. Рассказы о любовных победах министра, судя по всему, также встречались, но распространяться могли только устно. Возможно, анекдот, положенный в основу фабулы «Совместителей», и существовал, и будет обнаружен, а может, это выдумка Лескова, опиравшегося на обширные и разнообразные сведения о своем герое.

Итак, острым, злободневным и актуальным практически в любой период российской действительности, а вместе с тем очень изящным, исторически точным и прицельно внимательным к главному герою рассказом «Совместители» Лесков подключился к многолетней тра-

диции о графе Канкрине, представленной обширным количеством разноплановых текстов, которые создавались и при жизни, и после смерти министра. Это публицистические статьи, где анализировались военные заслуги генерала Канкрин и финансовая политика Канкрин-чиновника. Это мемуарная литература, в которой описывался умный, деятельный и в высшей степени оригинальный человек. Это шутки самого министра, которые постоянно перепечатывались, становясь широко известными и способствуя его популярности, даже посмертной, и узнаваемости. Это «неофициальные» тексты, связанные с именем Канкрин, — анекдоты, эпиграммы, которые постепенно переходили из устной фазы в письменную. Наличие художественных произведений о министре финансов Николаевской эпохи также свидетельствует о неугасающем интересе к этому человеку.

Лесков, создавая «Совместителей», из публицистики и мемуаров почерпнул факты, а также характерные особенности речи и внешности своего героя, и в этом можно видеть традиционность рассматриваемого рассказа. Вместе с тем писатель достаточно смело ввел в литературу сюжет из специфического и еще не выявленного в полной мере пласта материалов о Канкрине, до того распространявшихся устно, а может, и выдумал этот сюжет — и в этом его оригинальная роль. В публицистическом же контексте середины 1880-х годов можно с определенной уверенностью говорить и об иносказании «Совместителей».

1. Новь. 1885. Т. I. № 4. (1884. 15 дек.). С. 611–628. (Обращаем внимание на разночтения в датировке: на обложке значится 1885 г., а на форзаце — декабрь 1884 г.!)

2. Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. М., 1958. Т. VII. С. 399.

3. Эту дачную местность под Петербургом вокруг Лесного института, процветанию которого Е.Ф. Канкрин посвятил много сил, с легкой руки редактора журнала «Современник» П.А. Плетнева (см.: Плетнев П.А. Граф Е.Ф. Канкрин // Современник. 1846. Т. 42. С. 54) стали называть Канкринополем. См.: Граф Егор Францевич Канкрин (1774–1845) // Русские люди. Жизнеописания соотечественников, прославившихся своими деяниями. СПб.; М., 1866. Т. I. С. 394–395.

4. Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. М., 1958. Т. VII. С. 425.

5. Там же. С. 429.

6. Там же. С. 431.

7. Там же. С. 401.

8. Там же. С. 400.

9. Там же. С. 406.

10. Там же. С. 417–418.

11. Там же. С. 408.

12. Там же.

13. Там же. С. 409.

14. Там же.

15. В самом конце XIX в. в брошюре о графе Канкрине проф. В.А. Лебедев отметил, что если о покойном министре до сих пор говорят, значит, он был поистине незаурядной личностью — не администратором, а государственным деятелем (см.: *Лебедев В.А.* Граф Егор Францевич Канкрин: Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896. С. 18).

16. Например, в 1866 г. в передовой статье газеты «Голос» появился анонс вышедшей в Риге на немецком языке брошюры «Русские бумажные деньги. Финансово-исторический очерк с обращением особого внимания на нынешнее финансовое затруднение России». Вывод со ссылкой на указанную брошюру в статье сделан такой: «Все вычисленные ошибки, скудость бюджета, излишняя бережливость податной силы, основание государственных доходов на винном откупе и таможенных пошлинах, государственные займы для моментальных потребностей, выпуск гермафродитных бумаг, состоящих из бумажных денег и фондов, дурное управление банками, образование покровительственной системы — носят тот общий характер, что хотя они повели почти все финансовое управление по ложному пути, однако все в начале не сопровождалось никаким видимым вредом, а, напротив, обременяя будущность и сберегая настоящее и принося одно в жертву другому, должны были настоящее представить в особом блеске. Если мы присоединим к этому, наконец, совершенное графом Канкриным создание новых кредитных билетов, то получим, в главных чертах, полный образ наследства этого знаменитого министра финансов. Хотя созданная им система еще держится и еще можно было продолжать несколько лет хозяйство с счастливым легкомыслием; но система эта была во всех ее корнях гнила, и мы не должны удивляться, что, даже несмотря на постоянно появляющиеся цветы ее, окончательно и внезапно рухнет одна часть ее за другую, и эта катастрофа может быть ослаблена только посредством величайших потерь и жертв» (Голос. 1866. № 260. 20 сент. (2 окт.). С. 2, без подписи).

17. Критика откупной системы содержится, например, в работе: *Блюх И.С.* Финансы России XIX столетия. История—статистика. СПб., 1882. Т. III. С. 89.

18. *Лесков Н.С.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. II. С. 711.

19. *Лесков Н.С.* Собр. соч.: в 11 т. М., 1958. Т. VII. С. 430.

20. Там же. С. 431.

21. Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1983. Т. 3. С. 531.

22. Кстати, его перу принадлежит большая статья о Канкрине в ведущем российском журнале: *Бунге Н.Х.* Мысли графа Канкрина о бумажных деньгах // Русский вестник. 1864. Ноябрь. С. 361—386.

23. См.: *Новости и Биржевая газета*. 1884. № 6. 6 (18) янв. С. 3.
24. *Новое время*. 1884. № 2840. 24 янв. (5 февр.). С. 1.
25. *Новости и Биржевая газета*. 1884. № 17. 17 (29) янв. С. 2.
26. См.: *Головачев А.* Письма о протекционизме // *Новости и Биржевая газета*. 1884. № 45. 14 (26) февр. С. 1; № 52. 22 февр. (2 марта). С. 1; № 65. 6 (18) марта. С. 1–2; № 79. 20 марта (1 апр.). С. 1–2; № 93. 3 (15) апр. С. 1–2; № 105. 17 (29) апр. С. 1–2; № 112. 24 апр. (6 мая). С. 1–2; № 126. 8 (20) мая. С. 1–2; № 133. 15 (27) мая. С. 1–2.
27. Например, в № 107 «Новостей» от 19 апреля (1 мая) 1884 г. была опубликована большая статья Лескова «В саже и в копотти».
28. Рубрика «Рассказы кстати» была создана специально для Лескова в первом же номере журнала «Новь». В декабре 1886 г. Лесков опубликовал «Рассказы кстати» отдельным сборником.
29. См., например: *Плетнев П.А.* Граф Е.Ф. Канкрин // *Современник*. 1846. Т. 42. С. 50. А также: *Сементковский Р.И.* Е.Ф. Канкрин, его жизнь и государственная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1893. С. 36.
30. См.: *Вигель Ф.Ф.* Воспоминания // *Русский вестник*. 1865. Т. 58. Авг. С. 559–561; *Языков П.М.* Из записной книжки. I. О графе Е.Ф. Канкрине // *Русский архив*. 1867. № 3. Стлб. 392–395; *Бурнашев В.П.* Воспоминания об эпизодах моей частной и служебной деятельности (1834–1850). М., 1873; *Селиванов И.В.* Егор Францевич Канкрин // *Русская старина*. 1880. Т. 29. Ноябрь. С. 747–751; *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч.: в 12 т. СПб., 1884. Т. IX (Старая записная книжка. 1813–1852) и др.
31. <*Бурнашев В.П.*> Отрывок из воспоминаний о графе Е.Ф. Канкрине // *Русский мир*. 1872. № 42. 14 февр. С. 2, с подписью: Петербургский старожил В.Б.
32. *Русский мир*. 1872. № 49. 22 февр. С. 4.
33. Там же. С. 3.
34. Там же.
35. См.: *Языков П.М.* Из записной книжки. I. О графе Е.Ф. Канкрине // *Русский архив*. 1867. № 3. Стлб. 393, 395. А также: *Скальковский К.* Наши государственные и общественные деятели. 2-е изд. СПб., 1891. С. 431.
36. См.: *Поднебесный М.* На открытие великолепного таможенного здания, в Санкт-Петербурге. СПб., 1832 (На обложке брошюры посвящение: «Его сиятельству господину министру финансов графу Егору Францевичу Канкрину»); *Поднебесный М.* Прогулка на выставке российских изделий в Санкт-Петербурге 1833 г. СПб., 1833.
37. *Русский архив*. 1897. № 10. С. 297–298.
38. См., например, цикл анекдотов о Канкрине: Исторические рассказы и анекдоты из Записок Богуславского. Сообщ. Л.М. Сердюкова // *Русская старина*. 1879. Т. XXVI. С. 233–240. Некоторые из них перепечатаны в: *Новое время*. 1879. № 1322. 2 (14) нояб. С. 2.

39. Целую подборку остроумных высказываний Канкрин приводит, например, в «Старой записной книжке» князь П.А. Вяземский, служивший в Министерстве финансов. См.: *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч.: в 12 т. СПб., 1884. Т. IX. Эти шутки сразу после выхода 9-го тома «Собрания сочинений» Вяземского были перепечатаны кн. В.П. Мещерским (Гражданин. 1884. № 8. 19 февр. Раздел «Дневник». С. 22).